

АНГЕЛ БЕЗ КРЫЛЬЕВ

Диана Эверли

Диана Эверли

Ангел без крыльев

<https://litres.ru/74683077>

SelfPub; 2026

Аннотация

В небесной Камелии крылья определяют, какое место ты займёшь в жизни. Серафима родилась без них. В семнадцать лет её отправляют в человеческий мир: чтобы обрести крылья и вернуться домой, она должна помочь миллиону жизней.

На земле Серафима учится, находит друзей и встречает Эвана. Он знает о ней больше, чем готов признать, и слишком вовремя оказывается рядом. Ей хочется довериться, хотя некоторые совпадения уже не удаётся объяснить случайностью.

Когда в домах Речного начинает исчезать тепло, а приютившая Серафиму женщина пропадает, поиски приводят к запретным переходам между мирами. Древний браслет, оставивший метку на её руке, оказывается частью замысла Люцифера. Он обещает избавить людей от страданий и готов отнять у них право выбирать.

Теперь возвращение домой может стоить жизни тем, кто стал ей дорог. Серафиме придётся раскрыть ложь, на которой держится её родной город, и решить, кому позволить идти рядом. Особенно тому, чьё настоящее имя способно разрушить зарождающуюся любовь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 Тяжёлая кофта	8
Глава 2 Украденное небо	17
Глава 3 Условие возвращения	24
Глава 4 Мельничная улица	36
Глава 5 Соль на ладони	44
Глава 6 Доставка к полудню	55
Глава 7 Лёд в тёплых домах	64
Глава 8 Глаз над пекарней	75
Глава 9 Слепой порт	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Ангел без крыльев

Пролог

В ночь, когда родилась Серафима, на нижнем лепестке Камелии погасли мосты.

Даниэль потом уверял, что это было обычное отключение. На северных опорах меняли серебряную жилу, мастера перепутали крепления, такое случалось. Но Айрана запомнила другое: в палате качнулась лампа, по стеклу пробежала трещина, и младенец на её руках открыл глаза раньше, чем издал первый крик.

Доктор Ремий долго стоял у окна. За его спиной поднимался город: дома на широких облачных плитах, переходы, светлые корпуса школ, а выше всего - дворец, окружённый узкими кольцами мостов. При дневном свете Камелия напоминала цветок. Ночью, когда не работали нижние опоры, она была похожа на несколько островов, которым забыли сказать, что под ними нет земли.

— Осмотрите её ещё раз, - попросил Даниэль.

Он не отпускал руку жены. Из воротника его рабочей рубахи торчал обломок белой проволоки: его вызвали прямо с ремонта, и он не успел переодеться.

Ремий вернулся к кровати, отогнул край пелёнки и провёл пальцами вдоль маленькой спины. Там, где у новорож-

дённных ангелов уже проступали две гибкие дуги, кожа оставалась ровной.

— Ошибки нет.

Айрана притянула ребёнка ближе.

— Вы говорите так, будто ошиблась она.

Доктор поднял голову. Ему было далеко за сто, однако сейчас он выглядел человеком, которому впервые пришлось говорить с чужим страхом.

— Простите. Я имел в виду осмотр.

— Она сможет ходить? - спросил Даниэль. - Дышать? Будет ли ей больно?

— В остальном она здорова.

— Тогда начните с этого.

Ремий накрыл девочку и отступил. Из наружного коридора доносились шаги. Кто-то остановился у двери, некоторое время постоял и ушёл; доктор дождался, пока звук стихнет.

— Есть старый обряд, - произнёс он тише. - В семнадцать лет её можно отправить в человеческий мир.

Даниэль отпустил руку жены.

— Спуск запрещён.

— Для крылатых. Запрет не учитывает таких детей.

— Таких детей? - повторила Айрана.

Ремий отвёл взгляд.

— Простите.

— Перестаньте извиняться и скажите, зачем ей туда.

На этот раз он ответил не сразу. Достал из внутреннего

кармана тонкую книжку, раскрыл её на заложенной странице, но читать не стал.

— Внизу она может обрести то, чего не получила при рождении. В записи говорится о помощи миллиону человеческих жизней.

В палате стало слышно, как поскрипывает лампа.

— Миллиону, - сказал Даниэль. - А если она не сможет?

— Я не знаю.

Айрана смотрела на врача, и он выдержал её взгляд. Дар правды достался ей от матери: сознательная лож оставляла на языке горечь железа. Сейчас она чувствовала только вкус собственного страха. Ремий говорил искренне. Гораздо позже ей предстояло понять, как мало это гарантирует.

— Я не позволю превратить её жизнь в плату за чужое удобство, - сказала она.

Доктор закрыл книжку.

— До семнадцатилетия ещё далеко.

Он произнёс это почти с надеждой и поспешил уйти. Даниэль вышел следом, чтобы спросить о лекарствах, занятиях и документах. Айрана осталась с дочерью.

Из коридора снова донеслись шаги. На этот раз к двери подошли двое.

— Запись сделана? - спросил незнакомый голос.

— Пока только медицинская, - ответил Ремий.

— Должна быть ещё одна. Без имени. Вы понимаете, куда её передать.

Айрана подняла голову, но голоса удалились.

Младенец сжал её палец. Слабое движение оказалось неожиданно настойчивым: вся маленькая ладонь держалась за одну человечески обыкновенную вещь.

— Серафима, - прошептала Айрана. - Тебя зовут Серафима.

За окном один за другим зажигались мосты. На самом нижнем лепестке, где Даниэль не успел закончить работу, остался тёмный промежуток.

Глава 1 Тяжёлая кофта

В семнадцать лет Серафима умела различать людей по шагам ещё до того, как открывалась дверь.

Мать ступала быстро, но перед порогом всегда замедлялась, будто за дверью мог спать кто-то больной. Отец возвращался усталым, цеплял каблуком медную накладку и всякий раз обещал её починить. Соседка останавливалась на две ступеньки ниже и складывала крылья, задевая перьями стену. У курьеров Совета подошвы не касались лестницы вовсе.

Поэтому, услышав за окном шелест белых плащей, Серафима положила карандаш.

Перед ней лежала карта нижних переходов. В школе она не училась уже семь лет, но отец приносил рабочие чертежи, и вечером они вместе искали ошибки: опору, которой не хватало под длинным пролётом, неправильно рассчитанный поворот, лестницу, обрывающуюся на высоте человеческого роста. Последняя ошибка встречалась чаще других. Архитекторы Камелии легко забывали, что по городу можно ходить.

— Встань, пожалуйста, - сказала Айрана из дверей.

Она держала тёмно-синюю кофту. На спинке были сделаны два ложных шва, расходившихся от лопаток.

Серафима посмотрела сначала на кофту, потом на мать.

— Сегодня тепло.

— В верхних переходах ветер.

— Мы идём в Совет. Там закрытый зал.

Айрана поправила сложенный рукав.

— Я знаю.

Семь лет назад Серафима ещё стала бы спорить. Теперь она взяла кофту и повесила на спинку стула.

— Надену у входа.

Мать хотела что-то добавить, но из прихожей позвал Даниэль. Он тоже услышал курьеров.

В доме было всего четыре комнаты, и Серафима знала, в какой из них родители будут разговаривать. На кухне под потолком работал старый вытяжной камень. Когда его включали на полную силу, соседи не могли разобрать слова за стеной. В детстве она считала этот гул признаком семейного уюта. Теперь научилась бояться.

Она подошла к окну. Внизу, за узким огородом, тянулась улица Певчих. По её краю шли белые столбики; на каждом висела цепь, чтобы ребёнок не свалился с облачной плиты. Дети редко пользовались цепями. Подбегали к краю, раскрывали крылья и с радостными криками ныряли в воздушный просвет.

Серафима впервые увидела эту улицу в пять лет.

До того ей говорили, что снаружи сырость, сильный ветер и инфекции, против которых она слишком слаба. Она верила. За закрытыми ставнями существовал огромный мир, и в пятилетний день рождения мать наконец обещала его пока-

зять.

Серафима доела завтрак, даже не почувствовав вкуса. Надела ботинки не на те ноги и побежала к двери. Айрана остановила её с той самой кофтой.

Тогда она была зелёной, толстой, с деревянными пуговицами. От шерсти чесалась шея. На улице пахло нагретой пылью и цветущими яблонями, и все вокруг носили лёгкие рубашки с прорезями для крыльев.

В лавке у старой тётушки Серафима получила свой первый амулет. Изумруд лежал среди других камней, ничем не ярче и не крупнее. Девочка выбрала его потому, что внутри застряла светлая полоска, похожая на травинку.

— Он замечает ложь, - сказала торговка.

— Всю?

— Ту, о которой знает сам говорящий.

Пятилетней Серафиме разница показалась неважной. Позднее именно с неё началось её настоящее образование.

Айрана расплатилась, помогла продеть цепочку и попросила никогда не снимать подарок. А потом, после долгих уговоров, отнесла дочь на площадку соседнего облака.

Всё случилось быстро. Дети играли в догонялки, и Серафима бежала быстрее многих. Только каждый раз, когда ей оставался один шаг, другой ребёнок отрывался от земли. Сначала это казалось весёлой хитростью. Потом стало обидно. Затем от жары потемнело в глазах, и она расстегнула пуговицы.

Первым засмеялся высокий мальчик с белым пером над ухом. Его смех Серафима не помнила. Зато помнила, как одна девочка потянула её за рубашку, желая рассмотреть спину.

— Не трогай, - сказала она.

Девочка удивилась. Так удивляются, когда вдруг заговорил предмет.

Кто-то поднял мелкий камешек. Кто-то произнёс слово, которое Серафима прежде не слышала. Она ждала, что взрослые вмешаются: матери сидели рядом, на скамье, белые крылья лежали у их ног, как нарядные шали. Одна отвернулась, другая потянула своего ребёнка за рукав, но только чтобы он не испачкался.

Тогда пришла Айрана.

Она заслонила дочь крыльями, подняла её на руки и понесла домой. Внутри этого белого убежища было темно. Через перья просвечивало солнце, слышалось материнское сердце, и впервые Серафима поняла, что от сердца тоже можно прятаться: оно билось слишком быстро.

Дома мать обещала, что однажды всё изменится. Внизу, среди людей, есть способ получить крылья. Нужно только очень много помогать.

— А если я буду помогать здесь?

Айрана не ответила.

В тот вечер Серафима дала два обещания: не снимать амулет и больше не плакать. Первое она сдержала. Второе ока-

залось вредной привычкой, от которой никто не учил избавляться.

Сейчас амулет лежал у неё на ладони. Изумруд оставался холодным; за кухонной стеной слышался материнский голос, но слов было не разобрать.

Серафима надела цепочку и вышла в прихожую.

На столе лежал конверт с золотой печатью. На нём не было ни её имени, ни фамилии. Только аккуратная надпись: «Подлежащая спуску».

— Мне хотелось бы, чтобы они хотя бы научились обращаться ко мне, - сказала она.

Даниэль убрал бумаги в карман.

— Мы подадим ещё одно прошение.

У него были обветренные руки. Серебряная пыль въелась в складки у ногтей, и сколько бы он их ни мыл, пальцы всё равно чуть поблёскивали.

— О чём?

— Об отсрочке.

— На сколько?

— До решения комиссии.

— А когда комиссия решит?

Отец посмотрел на Айрану. Серафима отступила, не дожидаясь ответа.

Она любила родителей. В этом и заключалась трудность. Если бы они были равнодушными или жестокими, можно было бы злиться без остатка. Но отец семь лет строил

ей лестницы, а мать отказалась от работы в Палате свидетельств, чтобы заниматься её уроками. Каждый из них отдал ей столько, что Серафима привыкла считать благодарность обязанностью молчать.

— Я пойду с вами, - сказала она. - И буду говорить сама.

— Конечно, - слишком быстро ответила Айрана.

В Совете пахло каменной прохладой и высушенными цветами. Нижняя приёмная была полна: с одной стороны сидели просители с потемневшими рабочими крыльями, с другой - люди в светлых плащах, которым не приходилось ждать. Между рядами стояла низкая перегородка. Даниэль взял номерок и остался у стены.

На противоположной стене висели портреты благодетелей Камелии. Серафима узнала один сразу.

Люцифер. Отец Азраэля.

Тот же портрет когда-то украшал школьный коридор. Под ним была табличка: «Щедрость поддерживает небо». Серафима, исключённая из школы за то, что дала сдачи его сыну, долго принимала эту фразу буквально: если убрать деньги Люцифера, весь город рухнет.

Теперь ей было семнадцать, и она знала устройство мостов. Деньги не держали ни одной опоры. Их держали мастера вроде отца.

— Светловы? - позвали из двери.

Чиновник оказался молодым. Он трижды сверил её лицо с документом, хотя в документе не было фотографии, затем

спросил:

— Жалобы на физическое состояние?

— Нет.

— Проявления дара?

— Нет.

— Полёты во сне?

Серафима нахмурилась.

— Это имеет значение?

— Вопрос из формы.

— Тогда запишите: иногда мне снится, что я умею плавать.

Чиновник поднял голову. Айрана коснулась дочернего локтя, но руку сразу убрала.

— Место назначения определено, - сказал он. - Обряд послезавтра. Возьмите только личные вещи. Возвращение допускается после исполнения условия.

— Как я узнаю, что помогла миллиону человек?

— Будет знак.

— Какой?

Он перелистнул страницу.

— Это вам разъяснит сопровождающий.

— Кто?

— Сведения будут переданы в день обряда.

Даниэль положил на стол прошение. Чиновник даже не прикоснулся к нему.

— Повторное рассмотрение уже состоялось.

Серафима посмотрела на его перо. Оно слегка дрожало между пальцами.

— Скажите мне одну вещь. Когда я помогу людям, я смогу вернуться домой?

Молодой человек перестал листать бумаги.

— Таково условие.

Изумруд у неё на груди остался холодным.

Позднее она много раз вспоминала этот ответ. Он не сказал «да». Он просто повторил то, что было напечатано.

На улице Даниэль предложил купить пирог. Это было так неуместно, так похоже на попытку наладить сломанную дверь привычным инструментом, что Серафима едва не рассмеелась. Вместо этого она обняла отца.

— Давай, - сказала она. - Только не с яблоками.

Даниэль кивнул с облегчением.

Айрана шла рядом и несла ненадетую кофту. Когда они свернули к дому, Серафима остановилась.

— Я ещё погуляю.

— До темноты, - попросила мать.

Она не добавила «будь осторожна». Все трое уже знали, что осторожность не поможет избежать назначенного дня.

Серафима пошла к лиственному саду, растущему на самом краю нижнего лепестка. Там можно было сесть между корнями, свесить ноги над белой пустотой и представить, что далеко внизу существует дорога, по которой не требуется летать.

Она ещё не дошла до первого дерева, когда во дворце ударил тревожный колокол.

Глава 2 Украденное небо

Тревожный колокол звонил без перерыва. Обычно он отмечал начало каждого часа, и между ударами успевали пролететь птицы. Теперь звук захлёбывался, цеплялся за сам себя, а птицы вылетали из сада целыми стаями.

Серафима остановилась под лиственницей.

Со стороны верхнего яруса летели трое стражников. Их крылья были стянуты металлическими полосами; в детстве она считала это украшением, потом узнала, что полосы не дают перьям загореться при быстром спуске.

Перед ними мелькнула тёмная фигура.

Человек в маске летел слишком низко. Одно крыло не слушалось: складывалось, едва он пытался повернуть. Он задел ветку, выругался, и из его руки выскользнул золотой ободок.

Кольцо света описало короткую дугу и повисло между листьями.

Стражники пронесли дальше. Они видели только беглеца; Серафима стояла в тени и осталась незамеченной.

На минуту ей представилось, что можно просто уйти.

Она не обязана была вмешиваться. Никто не давал ей оружия, никто не учил защищать дворец. Ещё час назад человек за столом говорил с ней так, будто она была неисправной частью городского хозяйства. Разумнее всего было вернуться

домой и запереть дверь.

Потом в ветвях шевельнулся золотой ободок.

Он медленно сползал к краю, а под деревом уже не было облачной плиты. Только белый туман, в котором терялись ограждения.

Серафима взяла сухую ветку.

— Только достану, - сказала она вслух. - И отнесу страже.

Слова прозвучали неубедительно. Ей приходилось обещать себе простые вещи, чтобы решиться на сложные.

Она упёрлась ладонью в ствол, встала на цыпочки и осторожно поддела находку. Ветка закрипела. Ободок оказался тяжелее, чем выглядел; когда он наконец упал ей в руку, запястье болезненно дёрнулось.

Золото было тёплым. По внутренней стороне шёл узор из мелких выступов. Они напоминали ступени, уходящие по кругу и нигде не начинающиеся.

— Хорошо, что ты его поймала.

Серафима обернулась.

Мужчина в маске стоял между ней и дорогой. Рядом с правым плечом на плаще расплывалось тёмное пятно. Повреждённое крыло он поджал, второе держал раскрытым, перегородивая проход.

— Отдай.

Она сделала шаг к ограждению.

— Я позову стражу.

— Зачем? Ты ведь не знаешь, что держишь.

— Поэтому и позову.

Он не стал спорить. Подошёл быстро, одним движением перехватил её руку и прижал к стволу. Серафима ударила его коленом. Он успел отвернуться, но хватка ослабла.

— Не делай хуже, - сказал мужчина.

Он перехватил её запястье выше косточки. Пальцы медленно усиливали нажим; Серафима поняла, что он вполне может сломать ей руку.

Она рванулась. Мужчина схватил её за ворот, и цепочка врезалась в шею. Ободок скользнул из онемевших пальцев на кисть.

Мир остановился.

Не замер: Серафима слышала, как сыплется кора, видела листья, качнувшиеся над маской. Но расстояние между ней и мужчиной внезапно стало другим. Его пальцы оставались у её горла, а он сам оказался в нескольких шагах. Воздух натянулся, как мостовой канат.

Потом натяжение лопнуло.

Мужчину отбросило к корням. Серафима упала на колени и закашлялась. По руке пошла боль, медленная и холодная, будто под кожу втягивали тонкую проволоку.

Браслет исчез.

На запястье осталась метка: круг, пересечённый пятью линиями. Она проступала ровно настолько, чтобы увидеть её в косом свете.

Серафима потёрла руку. Золотого ободка не было ни на

земле, ни в складках одежды.

Мужчина шевельнулся.

Она отпрянула, но он только попытался сесть и не смог. Маска сползла набок. Серафима увидела знакомую седую прядь у виска, высокий лоб, узкий шрам над бровью.

Портрет в школьном коридоре был написан лет десять назад. Художник убрал шрам и прибавил благодушия. И всё же ошибиться было невозможно.

— Люцифер, - прошептала она.

Он открыл глаза.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Серафима ждала угрозы, злости, чего угодно. Вместо этого на его лице появилось изумление. Он посмотрел на её запястье, на плоскую спину под рубашкой и тихо выдохнул.

— Вот ты какая.

Над садом снова зашумели крылья.

— Сюда! Он внизу!

Серафима отступила за дерево. Она могла позвать. Должна была позвать. Но в голове уже складывались вопросы, на которые её заставят отвечать: почему оказалась здесь, почему не пришла сразу, куда делся браслет. Люцифер поддерживал половину верхнего яруса. Она не смогла доказать даже то, что его сын вымогал деньги в школьном переулке.

Она побежала.

Через несколько шагов пришлось остановиться у белой цепи: сад уходил под уклон, и ноги перестали слушаться. Из

пальцев ушло тепло. Серафима обхватила ограждение обеими руками, переждала тошноту и добралась до дороги.

Дома пахло пирогом.

Эта мирная подробность едва не заставила её расплакаться. Отец стоял у окна с чашкой и сразу увидел ссадину на шее.

— Что случилось?

Она открыла рот. Нужно было рассказать всё. Но мать уже вышла из кухни, за плечом отца было видно золотую печать на конверте, и Серафима впервые поняла, как выглядит чужая жизнь, целиком зависимая от твоего ответа.

— В саду была тревога, - сказала она. - Я споткнулась и упала.

Амулет обжёг грудь.

Айрана замерла.

Серафима смотрела на неё, не в силах опустить глаза. Мать знала. И Серафима знала, что мать знает.

— Даниэль, - произнесла Айрана, - принеси воды.

Когда он ушёл, она взяла дочь за руку. Сначала увидела метку. Потом подняла рукав выше, будто могла найти под ним объяснение.

— Где ты это получила?

— Я не хотела.

Слова вырвались сами. Айрана прижала палец к её губам.

За окном на улице Певчих опустились стражники. Их белые плащи закрыли половину окна.

Один из них постучал.

Айрана опустила рукав дочери, застегнула манжету и только после этого открыла дверь.

— Семья Светловых?

— Да.

— Ваша дочь находилась в саду во время кражи?

Серафима вышла вперёд.

— Я там гуляла.

— Видела подозрительного человека?

Он держал раскрытый список. Под вопросом уже была проведена прямая линия - место для ответа.

— Да. В маске. Он летел к северной стороне.

Стражник записал.

— Больше ничего?

Серафима почувствовала материнскую ладонь у себя между лопаток.

— Я испугалась, - сказала она.

Это было правдой. Амулет остался холодным.

Стражник посмотрел мимо неё на Даниэля, вернувшегося с водой, и убрал список.

— Завтра в полдень состоится открытый суд. Свидетели обязаны присутствовать.

Когда дверь закрылась, отец поставил чашку так резко, что вода перелилась через край.

— Теперь рассказывай.

Они просидели на кухне до глубокой ночи. Вытяжной ка-

мень гудел под потолком. Серафима говорила, а родители не перебивали даже там, где она сама переставала верить собственным словам.

Закончив, она вытянула руку на стол.

— Он сказал: «Вот ты какая». Как будто ждал меня.

Даниэль потрогал метку, но пальцы не почувствовали ничего необычного.

— Нужно идти к Ремию.

— Нет, - слишком быстро сказала Айрана.

Отец посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что сейчас нас нельзя видеть у него.

Она говорила правду. Однако это был не весь ответ.

Серафима медленно убрала руку.

— Ты знала об этом браслете.

Айрана закрыла глаза.

— Я знала, что он существует.

— А обо мне?

Мать ничего не сказала.

Впервые в жизни Серафиме захотелось, чтобы её подарок умел замечать молчание.

Глава 3 Условие возвращения

На суде Люцифер не выглядел побеждённым.

Его привели без цепей. На запястьях были две светлые полосы, похожие на узкие ожоги; каждый раз, когда он делал шаг слишком широко, полосы вспыхивали, и ему приходилось замедляться.

Серафима сидела между родителями на последнем ряду. В манжете левой руки была застёгнута лишняя пуговица.

Верхний зал она прежде видела только на рисунках. В действительности он оказался теснее: много людей, близкие стены, низкие окна под самым потолком. Статуи основателей Камелии держали в ладонях чаши, из которых вместо воды лился свет. Под центральной чашей пустовало круглое углубление.

Прежде там лежал браслет.

На соседнем ряду сидел Азраэль.

Семь лет сделали его выше, но почти не изменили выражение лица. Он по-прежнему смотрел так, будто в любой комнате заранее знал цену каждому человеку. Светлые волосы были коротко подстрижены, у левого крыла не хватало нескольких длинных перьев. Серафима подумала, что кто-то всё-таки научился давать ему сдачи.

Он обернулся, встретился с ней взглядом и отвернулся первым.

Она не почувствовала удовлетворения.

Ей вспомнилась другая Ника - десятилетняя девочка за соседней партой, с чернильным пятном на щеке. Она всегда придвигала тетрадь к самому краю, чтобы Азраэль мог видеть ответы, и учитель хвалил её за аккуратность, не замечая, как дрожит перо.

В тот день писали контрольную по истории человеческих войн. Серафима хорошо запомнила название: ей показалось странным изучать чужую жестокость в классе, где никто не хотел смотреть на свою.

— Поменяемся, - прошептал Азраэль, положив перед Никой пустой лист.

Девочка прикрыла свою работу ладонью.

— Я не успею решить обе.

— Тогда реши мою.

Ника посмотрела на учителя. Тот сидел у окна, заслонив лицо книгой. Азраэль проследил за её взглядом и наклонился ближе.

— Твой брат опять ходит домой по северному мосту?

Серафима видела, как пальцы Ники разжались. На краю тетради остались четыре влажных следа.

— Не трогай его, - сказала она.

— Я же просто спросил.

Серафима обернулась.

— А ответ тебе нужен на другом листе. Решай сам.

В ту секунду она ещё думала, что достаточно назвать слу-

чившееся правильными словами. Азраэль смотрел на неё без злости, почти с любопытством. Вопрос о человеческих войнах оставался у него под локтем: почему отсутствие наказания увеличивает число нападений?

— Тебя кто-то звал?

Серафима подняла руку.

Учитель недовольно опустил книгу.

— Условия написаны на доске.

— Он заставляет Нику делать его работу.

Класс затих. Ника так резко отодвинулась от Серафимы, будто между ними провели границу. На лице у неё был не страх наказания. Она боялась того, что случится после уроков.

Учитель подошёл, посмотрел на пустой лист Азраэля, затем на исписанную страницу Ники.

— Никто никого не заставляет. Серафима, занимайся своим заданием.

Потом он выдвинул между партами тяжёлую деревянную перегородку. Теперь Ника не видела Серафиму, а Азраэль по-прежнему сидел рядом.

После занятий Серафима задержалась, складывая учебники. Ей казалось, что нужно придумать ещё какую-то фразу, более ясную и убедительную. Ника вышла первой. В дверях оглянулась, приоткрыла рот и ничего не сказала.

В переулке между школой и северным мостом ждали трое. Серафима узнала Азраэля по обуви: мягкие белые сапоги

никогда не пачкались, даже после дождя. Он встал поперёк дороги. Его друзья опустились с крыши за её спиной.

— Давай сюда сумку.

— Зачем?

— Посмотрю, не украла ли ты мои ответы.

Он взялся за ремень и потянул. Серафима вцепилась в него обеими руками. В сумке лежал чертёж, который отец разрешил принести на урок труда: маленький мост с винтовым спуском. Она целую неделю выводила тонкие линии, и учитель так и не дал ей показать работу.

— Отпусти.

— А то что? Улетишь?

Один из мальчиков рассмеялся и ткнул пальцем ей между лопаток.

Серафима ударила Азраэля кулаком. Не так ловко, как потом рассказывала себе: задела зубы, содрала кожу на пальцах и едва не упала вслед за ним. Он выпустил ремень. Этого хватило, чтобы побежать.

До дома она добралась с распухшей рукой и разорванным воротником. На кухне пахло супом. Она сказала матери, что упала на лестнице, и впервые намеренно зажала амулет в кулаке, чтобы Айрана не заметила, как он нагрелся.

Утром её вызвали к директору.

Азраэль сидел у стола, прижимая к носу аккуратно сложенный платок. Ни разорванного воротника, ни разбитых пальцев у него не было. Рядом стоял школьный смотритель.

Он видел вчерашнюю погоню, но теперь рассматривал трещину на стене.

— Мне нужно выслушать всех, - начал директор.

Серафима обрадовалась слишком рано.

Она рассказала о контрольной, угрозе Никиному брату, переулке и сумке. Когда показала содранную кожу на костяшках, директор отодвинулся, чтобы не испачкать рукав.

— Вы понимаете, что ударили другого ученика?

— Он не давал мне пройти.

— Можно было обратиться к взрослым.

Она посмотрела на зрителя. Он отвёл глаза.

— Я обращалась. На уроке.

Директор поправил бронзовую птицу на столе. У птицы было одно крыло чуть выше другого; он упорно пытался выровнять их, и Серафима следила за его пальцами, ожидая решения.

— Нам нельзя допускать насилия, - произнёс он наконец.

— Тогда скажите ему, чтобы он перестал.

Азраэль убрал платок.

— Я расскажу отцу, что у вас в школе бьют учеников. Он будет очень рад узнать, на что идут его деньги.

Директор перестал трогать птицу.

Так Серафима узнала, что взрослый человек может испугаться ребёнка и заставить заплатить за этот страх другого ребёнка.

Она помнила бумагу об исключении, но не слова, напи-

санные на ней. Помнила подпись, свежую, с маленькой кляксой у нижнего края. Смотритель открыл ей дверь и даже придержал её с вежливостью, от которой захотелось закричать.

В классе Ника ждала возле её парты. В руках держала забытый чертёж.

— Я сказала, что это неправда, - выпалила она. - Я пошла к нему сама. Он велел не мешать.

Серафима взяла лист. Угол, за который вчера тянули сумку, оторвался; половина мостовой опоры исчезла.

Ника попыталась её обнять. Серафима отстранилась. Ей было стыдно, что человек, которого она защищала, видел её поражение. Стыд оказался глупым, несправедливым и очень живучим.

Только много лет спустя она сумела мысленно вернуться в этот класс и увидеть ещё одну вещь: Ника не убежала. Пока остальные делали вид, что ничего не случилось, она стояла возле пустеющей парты и держала чужой порванный мост.

Теперь Ника стояла у стены суда с пачкой бумаг. Простое серое платье, крылья стянуты рабочей лентой, волосы заколоты двумя разными шпильками. Она записывала каждое слово, иногда оглядываясь на старшую переписчицу.

Серафима подняла руку в коротком приветствии. Ника едва заметно кивнула.

— Артефакт не обнаружен, - говорил судья. - Обвиняемый признаёт, что вынес его из зала Сопряжения?

— Признаю.

Шёпот прошёл по рядам.

— С какой целью?

Люцифер посмотрел на пустую чашу.

— Чтобы прекратить использование, о котором вы предпочитаете молчать.

— Вам предложено отвечать по существу.

— Я и отвечаю.

Судья поджал губы. Сидевший слева советник наклонился к нему, что-то прошептал и показал на документ.

— Где Сопряжение сейчас?

— Не у меня.

Серафима ощутила, как Айрана сжала край скамьи.

— Кому вы его передали?

— Никому.

Он опять говорил правду.

Серафима коснулась амулета и вдруг почувствовала себя в комнате, где все знают правила игры, кроме неё. Правдивые слова выстраивались в стену ничуть не хуже ложных.

Свидетелей вызывали по одному. Двое стражников рассказали о погоне. Мастер охранного контура подтвердил, что замок центральной чаши был открыт изнутри. Серафиму не вызвали.

— Они же велели мне прийти, - прошептала она.

Отец не ответил. Он смотрел на двери.

Суд длился меньше часа.

Люцифера приговорили к бессрочному заключению в

Нижнем пределе. Когда судья произнёс название, люди на передних рядах отодвинулись друг от друга. Серафима знала о Пределе только то, что говорили школьные учебники: туда отправляли тех, кому нельзя позволить вернуться. Урок заканчивался на этой фразе, и вопросов учитель не принимал.

Азраэль вскочил.

— Вы не имеете права!

Один из стражников повернулся к нему, но Люцифер поднял ладонь.

— Сядь.

Он произнёс это негромко. Азраэль сел так резко, будто под ним обломились колени.

Люцифера повели к боковой двери. На мгновение он оказался совсем близко к последнему ряду.

— Береги руку, - сказал он Серафиме.

Никто, кроме их семьи, не услышал.

Даниэль встал. Стражник заслонил проход плечом. Люцифер уже шёл дальше.

После суда им велели остаться.

— Обряд перенесён на сегодня, - объяснил тот же молодой чиновник. - В связи с обстоятельствами.

— С какими? - спросил Даниэль.

— Распоряжение Совета.

Айрана шагнула вперёд.

— Нам обещали время до завтра.

— Мы знаем, что произошло в саду.

Чиновник сказал это тихо. Он не посмотрел на Серафиму, и от этого стало страшнее.

В малом зале их ждал Ремий. За ночь он словно постарел; на манжетах были чернильные пятна.

— Ты помнишь меня? - спросил он Серафиму.

— Вы приходили, когда мне было девять. Проверяли, не выросли ли крылья.

Врач опустил голову.

— Покажи запястье.

Айрана встала между ними.

— Прежде скажите, что с ней будет.

— Внизу метка перестанет беспокоить центральный контур. Ей станет легче.

— Я спросила о дочери.

Он провёл ладонью по лицу.

— Браслет выбрал носителя. Снять его обычным способом нельзя. Оставаться здесь опасно.

— Для меня или для Камелии? - спросила Серафима.

Ремий посмотрел прямо на неё.

— Я не уверен.

Это был первый ответ за два дня, который она смогла принять.

Ей дали сумку. В ней лежали тёмное платье, две рубашки, небольшой кошелёк и бумаги с земной печатью. Всё было приготовлено заранее, вплоть до размера обуви. Серафима долго смотрела на неё, прежде чем переобуться.

— Где я буду жить?

— В городе Речном. На Мельничной улице есть пекарня. Её хозяйка получает письма от хранителей перехода.

— Она знает, что я приду?

Ремий замаялся.

— Должна знать.

Он протянул ей сложенный листок. На нём было всего несколько строк и рисунок круглой вывески.

— А родители смогут со мной связаться?

— Обычный переход закрыт. Письма проходят редко.

Даниэль отвернулся к окну.

Серафима внезапно рассердилась. На этот зал, на приготовленные ботинки, на отца, который не мог ничего исправить, на мать, не рассказывавшую всей правды, на себя - за то, что сейчас хотелось только попросить остаться дома.

— Если вы отправляете меня спасать людей, - сказала она, - почему не объяснили, как?

Никто не ответил.

На полу зажёгся круг с пятью линиями. Такой же, как на её руке.

Мать обняла её крепко, почти больно.

— Ты не обязана заслуживать право вернуться к нам, - шепнула Айрана. - Что бы тебе ни говорили.

— Тогда почему я ухожу?

Айрана отстранилась. В её глазах стояли слёзы. Серафима в детстве думала, что ангел правды всегда знает правильный

ответ; теперь перед ней была женщина, которой нечего сказать дочери.

Даниэль вложил в сумку маленький складной нож и клубок серебряной проволоки.

— Проволоку не нагревай. Она держит форму, пока холодная. Помнишь мостовой узел?

Серафима кивнула.

— Если что-нибудь сломается, попробуй сначала понять, на чём оно держалось.

Он обнял её, и она почувствовала на щеке жёсткую щетину.

У самой двери появилась Ника. Старшая переписчица окликнула её, но та сделала вид, что не слышит.

— У тебя расстегнулась сумка, - сказала Ника.

Она присела, потянула застёжку и незаметно сунула в карман сложенную полоску бумаги. Серафима успела накрыть её пальцы своей ладонью.

— Спасибо.

— Потом, - ответила Ника.

Ремий велел встать в центр круга. Серафима шагнула туда сама. Ей вдруг стало важно, чтобы последнее движение в этом зале принадлежало ей.

Когда свет поднялся до колен, она ещё видела родителей. Когда дошёл до плеч, лица расплылись. Мать что-то говорила, отец держал её за руку.

Потом исчезли стены.

Серафима ожидала падения. Вместо него было ощущение, что кто-то медленно протягивает её сквозь узкую щель. Заныла метка, сумка ударила по бедру, и чужой ветер обжёг губы запахом воды, дыма и мокрого железа.

Она открыла глаза посреди улицы.

Под ногами была земля.

Впервые в жизни она знала, что под этой землёй есть ещё что-то, а не бесконечное небо.

Глава 4 Мельничная улица

Первый человек, встретившийся Серафиме, чуть не сбил её велосипедом.

Он затормозил, выругался и объехал, звоня в маленький колокольчик. Она отскочила к стене. На стене была нарисована синяя стрелка, под ней написано: «К пристани».

Люди вокруг торопились. У женщины с красным зонтом капало с рукава, мальчик тащил за собой деревянную тележку, двое рабочих несли длинное стекло и кричали прохожим, чтобы расступились. Никто не смотрел на спину Серафимы.

Сначала это показалось невероятным облегчением.

Через полчаса - другой разновидностью одиночества.

Она спрашивала дорогу трижды. Первый мужчина не остановился, вторая женщина показала куда-то за канал, третий человек сказал: «От моста налево», - но мостов оказалось два. Город был построен так, будто все люди заранее знали, куда идут.

На площади Серафима купила булочку. Деньги подошли; продавщица отсчитала сдачу с таким привычным видом, что на секунду захотелось рассказать ей всё. Вместо этого Серафима спросила, где Мельничная улица.

— Через парк. Потом вдоль воды. Только не через нижнюю калитку, её давно заперли.

Парк пах сырыми листьями. Деревья росли из тёмной зем-

ли, корни были толстыми, в выбоинах стояли лужи. Серафима остановилась и осторожно нажала каблуком на мягкую почву. За ветвями не белело небо.

У фонтана сидели трое мальчишек. Один подбрасывал в ладони камень, двое других заглядывали за скамейку. Оттуда доносился тихий скулѐж.

Серафима замедлила шаг.

Щенок был белым, только бока покрывала грязь. Он пытался забиться под скамью, но мальчик перегораживал ему путь ботинком. Камень ударился о плиту совсем рядом с лапой.

— Хватит, - сказала Серафима.

Трое одновременно обернулись.

— Иди своей дорогой.

Она посмотрела на щенка. Он дрожал так мелко, что шерсть словно шевелилась отдельно от тела.

— Отойдите.

Мальчик с камнем встал. Он был моложе неё, но выше, и, кажется, привык считать это достаточным доводом.

— Ты глухая?

Серафима посмотрела ему за плечо.

— Вы его знаете? - громко спросила она.

По дорожке шла женщина с сумкой продуктов. Она остановилась.

— Кого?

— Я хочу узнать, куда отнести щенка. Он ранен. Эти маль-

чики, наверное, живут рядом.

Женщина перевела взгляд на белый комок, потом на камень.

— А ну-ка покажи руку.

Мальчик отступил.

Серафима успела присесть и подхватить щенка. Тот дёрнулся от боли, и она чуть не выронила его, но прижала к груди поверх кофты. Застёжка сумки ударила по колену.

— Она его украла! - крикнул мальчик.

— Я хорошо тебя запомнила, - сказала женщина.

Этого оказалось достаточно. Трое пошли прочь, сперва медленно, потом быстрее, а у поворота побежали.

Серафима осталась стоять с щенком на руках. Колени дрожали. В голове глупо вертелась мысль, что на небесах ей потребовались годы, чтобы понять: если один взрослый отвернулся, можно попробовать обратиться к другому. Здесь хватило одного дня.

— Он твой? - спросила женщина.

— Нет. Я увидела их и...

— Понятно. Не сжимай так сильно, ему трудно дышать.

Она поставила сумку, раздвинула мокрую шерсть и осмотрела лапу.

— Кость, кажется, цела. Но нужен врач.

— Где его найти?

— Сейчас у нас, потом позвоним. Я раньше лечила животных. Пойдём, тут недалеко.

— Мне нужно на Мельничную.

Женщина подняла глаза.

— Так мы почти соседи. Я Мэри.

У неё были широкие ладони с короткими ногтями и шрам на большом пальце. На запястье висела связка ключей. Один ключ был длинным, медным, непохожим на остальные.

— Серафима.

— Полным именем или можно Сима?

— Можно.

Они прошли по переулку, миновали запертую калитку и вышли к каналу. Вода подёрнулась мелкой рябью; за ней тянулись дома с узкими окнами, а над крышами поднималась башня с часами.

Пекарню Серафима узнала по рисунку Ремия.

Круглая вывеска с двумя колосьями качалась над дверью. Один колос был отломан, но его аккуратно пририсовали белой краской прямо на кирпиче.

— Вы здесь работаете?

— Живу по соседству и работаю здесь. Это разные вещи, но я всё время забываю.

Мэри перебрала ключи. Замок поддался не сразу.

— Завтра почию, - сказала она и усмехнулась. - Если услышишь это снова через неделю, не верь.

Внутри было тепло. На стойке лежали перевернутые корзины, у стены стояли мешки муки, а под потолком сушились пучки мяты. Серафима вдохнула хлебный запах и внезапно

поняла, как сильно замёрзла.

Мэри освободила стол, постелила полотенце и велела принести воду из чайника. Серафима не знала, какой из металлических предметов называется чайником, но догадалась по носику.

Пока щенку промывали лапу, она держала его голову у себя на ладони. Он тихо скулил и пытался лизнуть её палец.

— Ты откуда приехала? - спросила Мэри.

Серафима посмотрела на сумку у двери.

— Издалека.

— Это я уже поняла. Тебя ждут?

— Мне сказали прийти сюда.

Мэри перестала разматывать бинт.

— Кто?

Серафима достала письмо. Долго расправляла его непослушными пальцами. Мэри взяла лист, прочитала и присела на соседний стул.

В пекарне затрещала остывающая печь.

— Значит, всё-таки прислали, - сказала она.

— Вы знали?

— Я знала, что однажды может кто-нибудь прийти. Письму лет пятнадцать. Я думала, это семейная шутка.

Она подняла глаза на Серафиму.

— Сколько тебе?

— Семнадцать.

Мэри выдохнула сквозь зубы.

— Великолепно. Даже предупредить не удосужились.

Серафима вдруг почувствовала себя лишней. Её передали как неудобный груз, не спросив ни того, кто отправлял, ни того, кто принимал.

— Я могу уйти.

— Можешь, - ответила Мэри. - Но сначала согреешься, поешь и дашь мне позвонить ветеринару. А потом решим, куда ты пойдёшь.

Она встала и достала второе полотенце.

— Комната наверху пустует. Сегодня переночуешь там. Я останусь внизу: щенка надо наблюдать. Есть кому сообщить, что ты добралась?

Серафима покачала головой.

— Не сейчас.

Мэри посмотрела на неё внимательнее, но расспрашивать не стала.

Щенок уснул на тёплой ткани. У него был розовый нос и одно серое пятно под ухом, которое не отмылось.

— Снежок, - сказала Серафима.

— Уже назвала?

— Можно?

— Спрашивай его. Мне кажется, он согласен.

Вечером пришёл ветеринар, осмотрел лапу и оставил лекарство. Мэри заплатила, не дав Серафиме открыть кошелек.

— Потом разберёмся. Не всё должно решаться в первый

день.

Наверх вела узкая деревянная лестница. Серафима осталась у первой ступени. Сверху пахло пылью, бельём и яблочной кожурой. Никакого облачного просвета между ступенями, никаких перил, рассчитанных на крылья.

В комнате стояли кровать, шкаф и маленький письменный стол. Окно выходило на канал. Мэри зажгла лампу, показала задвижку на двери и положила рядом запасной ключ.

— Если страшно, оставь свет. Мне без разницы, сколько он горит.

Когда она ушла, Серафима села на кровать и долго не снимала ботинки.

Потом достала записку Ники.

Бумага была отрезана от судебного бланка. На обороте остался кусочек печати. Ника писала так мелко, что слова приходилось подносить к лампе.

«Это не лечение. Тебя искали ещё до кражи. В списке Ремия рядом с твоим именем написано не “больная”, а “свободная опора”. Не считай людей. Береги руку. Я попробую найти остальное».

Серафима прочитала записку трижды.

Внизу Мэри закрывала ставни. Снежок заворочался на полотенце и тихо твякнул во сне. По каналу прошла лодка; тень от её борта скользнула по потолку и исчезла.

Она хотела позвать Мэри.

Вместо этого подошла к окну, упёрлась лбом в холодное

стекло и посмотрела вверх.

Над Речным было пустое, незнакомое небо.

Глава 5 Соль на ладони

Утром Серафиму разбудил стук. Сначала она решила, что в окно бросают камешки, и уже успела вспомнить, как холодеет спина под школьной рубашкой. Потом стук повторился внизу, равномерный и деловитый. Мэри выбивала тесто о стол.

Серафима некоторое время лежала неподвижно. На стуле висела вчерашняя кофта, под кроватью стояли ботинки, с подоконника тянуло речной сыростью. В Камелии никогда не слышали столько воды сразу. Она шумела в канале, капала из водостока, шуршала под колёсами проезжавшей телеги. Казалось, город со всех сторон окружён существом, которое не спит.

Записку Ники она спрятала между страницами дорожной книги. Перепрятала под наволочку. Вытащила и положила во внутренний карман. Только после этого спустилась.

На кухне было жарко. Мэри, завернув рукава по локоть, стояла за длинным столом. Белая полоса муки пересекала её щёку. У печи, в коробке из-под яблок, спал Снежок. Перевязанная лапа лежала на краю, розовый живот поднимался и опускался.

— Вода в тазу. Полотенце у двери. Чай можно брать самой, - сказала Мэри, не оборачиваясь.

Серафима подошла к столу.

— Я должна вам помочь.

— Ты умеешь печь?

— Нет.

— Тогда сначала позавтракай. Голодные помощники особенно изобретательно всё портят.

На тарелке лежала разрезанная булка с сыром. Рядом стояло варенье в банке, на крышке которой было написано «гвозди». Серафима прочитала надпись дважды.

— Банка от хозяина дома, - объяснила Мэри. - Варенье моё. Если встретишь настоящие гвозди, сразу говори.

Серафима осторожно улыбнулась. За завтраком она всё ждала вопросов. Откуда письмо, кто такой Ремий, почему взрослые отправили её одну. Мэри спросила только, не давит ли ей чужая обувь, и нашла в шкафу плотные носки.

После еды Серафима всё-таки достала записку.

Мэри вымыла руки, вытерла их о фартук и прочла. Улыбка исчезла с её лица не сразу: сначала она ещё следила за щенком, который проснулся и пытался выбраться из коробки, потом вернулась к первой строке.

— Кто Ника?

— Подруга. У меня там... Она одна.

— Может, она ошиблась?

— Может. Но в суде мне тоже не всё сказали.

Серафима услышала, насколько спокойно прозвучало последнее слово. Будто речь шла о чужом суде, из книги, которую можно закрыть. Она уцепилась за край стола.

Мэри положила записку перед ней.

— Мне писала женщина. Давно. Что однажды может понадобиться приютить кого-нибудь, кому не будет пути назад. Не называла ни даты, ни имени. Приложила деньги и сказала: если никто не придёт, потратьте на себя. Я думала, это связано с моей матерью.

— Ваша мать знала ангелов?

— Моя мать знала больше людей, чем мне говорила. Однажды ушла и не вернулась. Мне было девятнадцать. Я тогда училась на ветеринара и считала, что все тайны можно распутать, если правильно задавать вопросы.

Мэри сняла с крючка медный ключ. Небольшая бородка была выточена в форме трёх зубцов; рукоять обмотана зелёной ниткой.

— Письмо велело сохранить вот это. Больше ничего полезного я не знаю. Во всяком случае, пока.

Серафима потянулась к ключу, но остановила руку.

— Можно?

Мэри кивнула.

Металл казался слишком лёгким. Между зубцами чернела засохшая пыль. На рукояти, под ниткой, Серафима нашла едва заметный шов.

Отец показывал похожие ключи, когда разбирал старую подъёмную будку на нижнем лепестке. Там в рукояти держали расписание смен: тонкую бумагу скатывали трубочкой и запирали внутри, чтобы смотритель не потерял. Даниэль на-

зывал такие вещи остатками письмопровода. Город больше не пользовался им - вернее, считалось, что не пользовался.

— Он открывается, - сказала Серафима.

— Я пробовала. Только ноготь сломала.

Серафима повернула бородку против рукояти. Ничего. Затем нажала на средний зубец и снова повернула. Раздался слабый щелчок. Мэри перестала дышать так заметно, что Серафима подняла глаза.

Внутри лежала пустая бумажная полоска.

Не пожелтевшая, не хрупкая. Чистая бумага, как будто её вложили вчера.

— Папа говорил, их меняли при смене опор, - вспомнила Серафима. - Раз в семь дней. Но нужно знать, где второй конец.

— А ты знаешь?

Она покачала головой. Ключ уже не выглядел подарком неизвестной благодетельницы. Он был частью чужого устройства, продолжавшего работать у Мэри на связке пятнадцать лет.

Мэри осторожно вставила полоску обратно.

— Не будем сегодня разбирать незнакомую вещь до конца. Сначала найдём то письмо. Оно где-то в коробках наверху. И ты расскажешь мне всё, что считаешь нужным.

— Всё займёт долго.

— У нас как раз поднимается тесто.

Серафима начала с кражи.

Она рассказывала, глядя на Мэрины руки. Те резали тесто, взвешивали куски, подгибали края. Когда дошла до браслета, Мэри остановилась и попросила показать запястье. Под кожей золотился контур круга с пятью отходящими линиями. Обыкновенная кожа, тёплая, чуть влажная после мытья посуды; только рисунок ни на что не походил.

— И снять нельзя?

— Сам обруч исчез. Осталось это. Ремий сказал, что снять нельзя.

Мэри провела пальцем рядом с меткой, не задевая её. Больше ничего не спросила, и Серафима была ей за это благодарна.

Она рассказала о суде и обряде, о словах Ремия и миллионе жизней. Не сказала только про первые семь лет после школы. Не смогла вместить их в кухню, где пахло дрожжами и обычным молоком.

Мэри молчала, пока Серафима не закончила.

— Я не знаю, что означает твой браслет, - произнесла она наконец. - И не буду убеждать тебя, будто знаю, как всё исправить. Но пока ты живёшь здесь, тебя не выставят на улицу за неуспеваемость. Есть вещи, по которым мы договоримся. Запирать дверь. Предупреждать, если уходишь. Не пускать собаку к печи. Это не испытания.

Серафима опустила голову. Слова оказались неожиданно болезненными - не от жестокости, от точности. Она и в самом деле ждала очередного испытания. Уже думала, сколь-

ко покупателей будет сегодня, скольким можно помочь и засчитывается ли помощь одному человеку дважды.

— Можно я пока просто буду мыть посуду?

— Можно. Только сначала закатай рукава.

К полудню она узнала, что железные противни нельзя ставить мокрыми, что сахар со дна банки комкуется, что покупатели почти всегда тянут дверь на себя, хотя надпись просит толкать. Мэри давала сдачу, спорила с поставщиком и успевала менять воду Снежку. Пекарня жила мелкими требованиями, не дожидаясь, пока Серафима разберётся с собственной судьбой.

Старик в клетчатом пальто попросил половину батона. Мэри разрезала целый и сказала, что вторую половину уже заказали. После его ухода Серафима заглянула в книгу заказов.

— Не заказали, - сказала она.

Мэри высыпала крошки в ведро.

— Семён Никитич полагает, что пекари не должны видеть, когда у людей кончаются деньги.

— Можно было просто дать ему целый.

— Можно. А он мог просто перестать приходить.

Серафима взяла полотенце. Мэри не считала того человека спасённым. Не поставила отметку ни в одной книге. Ей удалось сделать что-то так, чтобы другой человек остался собой, и теперь Серафиме хотелось запомнить, как это делается.

* * *

На третий день Снежок потребовал гулять.

Он начал с тихого поскуливания, потом перевернул миску, после чего уселся возле двери и уставился на поводок. Мэри осмотрела лапу и разрешила четверть часа вокруг площади. Серафима сама запомнила путь по карте: два поворота, овощная лавка, сквер с фонтаном. Вернуться до выемки второй партии хлеба.

Снаружи пахло дымом, мокрыми листьями и горчицей из открытого лотка. Снежок вёл её рывками, останавливаясь у каждого столбика. Из трамвая на углу выходили люди; водитель ждал, пока женщина перенесёт через высокую ступеньку клетку с кроликами. Серафима неожиданно поняла, что давно не смотрела вверх. За три дня небо так и не стало родным, но перестало занимать весь мир.

У фонтана шумела вода. Каменный мальчик держал над головой рыбу, изо рта которой била тонкая струя. В чаше плавали листья и две детские лодки из коры. Пожилая женщина сидела на бортике, придерживая корзину, рядом парень в серой куртке читал объявление о найме грузчиков.

Снежок остановился возле урны. Серафима наклонилась проверить, не подобрал ли он кость, и в ту же секунду стальная застёжка ошейника раскрылась.

Всё случилось нелепо быстро. Щенок рванул вслед за чем-то блестящим, что скользнуло по плитам, прыгнул на низкий бортик и исчез в чаше. Раздался плеск. Серафима бросила

поводок и побежала.

Воды было немного, щенку выше живота, но дно поросло скользкой зеленью. Он пытался упереться перевязанной лапой, падал на бок и от испуга бестолково бил передними. Серафима ухватила за край, собираясь перелезть, когда парень в серой куртке уже шагнул в воду. Он подобрал щенка под грудь и сразу протянул ей.

— Держи. Осторожно, лапа.

Серафима прижала мокрую собаку к кофте. Снежок дрожал, но дышал ровно. Она проверила бинт, заглянула ему в глаза, только потом вспомнила о человеке в фонтане.

Он выбрался, оставляя на камне тёмные следы. Вода стекала с штанин прямо в ботинки. Парень был чуть старше неё, со светло-каштановыми волосами и коротким шрамом у подбородка. Серафима не сразу поняла, что именно её насторожило. Он улыбался слишком вовремя - ещё до того, как она подняла голову.

— Спасибо, - сказала она. - Он недавно поранил лапу, я не должна была...

— Ошейники ломаются. Твоя собака?

— Да.

Ответ пришёл раньше мысли. Щенка она знала три дня, а теперь стояла на площади и называла своим, не спрашивая разрешения.

— Эван, - сказал парень.

— Серафима.

Он посмотрел на неё так, будто имя уже слышал, но сразу занялся мокрым рукавом.

— Тебе нужно домой. Он мёрзнет.

Пожилая женщина на бортике предложила платок, и Серафима взяла его, пообещав вернуть. Пока она заворачивала щенка, Эван подобрал с земли поводок.

— Странно, - сказал он, осматривая застёжку.

— Что?

— Почти новая.

Она протянула руку, забрала поводок. Между петлёй и карабином застряла тонкая серая нить. Серафима решила, что это обрывок собственного рукава.

Эван предложил проводить. Она отказалась. Объяснила, что недалеко, и он не стал настаивать. Только посмотрел вслед, когда она свернула у лавки.

Уже возле пекарни Серафима увидела на внутренней стороне манжеты блёстку. Крошечный перламутровый осколок, прилипший к мокрой шерсти. В Камелии такую пыль оставляли дешёвые иллюзии на праздничных перьях. На Земле это могло оказаться чем угодно: краской, чешуёй, слюдой из штукатурки.

Она стёрла её пальцем, но ошейник принесла Мэри целиком.

Мэри сперва сменила щенку повязку и послушала дыхание, потом взялась за застёжку. Долго щёлкала ею возле лампы.

— Я покупала его у Веры. Такие сами не открываются.

— Я могла плохо застегнуть.

— Могла. А могла и не ты. Где это произошло?

Серафима рассказала. Мэри отложила ошейник в ящик, достала другой – старый, кожаный, с обычной пряжкой.

— Спасибо тому парню. Но пока без фонтана. И смотри, что он подбирает.

После обеда Эван пришёл в пекарню.

Он принёс чистый платок.

— Для Снежка, если снова понадобится, - сказал он.

Тот, который дала пожилая женщина, уже сох наверху. Серафима взяла новый свёрток и подумала, что по рассказу о девушке с белой собакой найти пекарню нетрудно. Амулет оставался холодным: Эван не объяснил, откуда знает адрес. Это объяснение она достроила сама.

Он купил две булки, одну съел у стойки. Спросил Мэри, нужен ли помощник носить муку. Мэри ответила, что за работу платит по четвергам и документы смотрит до первого мешка.

— Я здесь недавно, - сказал он.

— Весь город здесь когда-нибудь был недавно. Документы есть?

Он достал сложенный лист. Мэри прочла, вернула и велела прийти утром, если не передумает. Эван кивнул. Серафима видела, как он расправил плечи, будто выдержал экзамен, о котором остальные не подозревали.

У двери он остановился.

— Как Снежок?

— Хорошо, - ответила она и только потом вспомнила: возле фонтана она не называла собаку.

— Я услышал от женщины, - добавил Эван. - Ты говорила с ним.

Возможно, так и было. Она в страхе много чего говорила. Амулет оставался холодным.

Эван ушёл, а Серафима ещё постояла у окна. В кармане лежала записка Ники. Впервые за всё время в Речном ей захотелось не помочь, не вылечить и не заслужить возвращение. Ей захотелось проверить собственное впечатление, даже если оно окажется ошибочным.

Она достала из ящика ошейник и положила его рядом с чужим платком.

Глава 6 Доставка к полудню

Торт для восьмидесятилетней учительницы был самым дорогим заказом недели.

Мэри делала его с вечера: два коржа с орехами, кислый вишнёвый слой, крем, который нужно остудить ровно до той температуры, когда ложка уже оставляет след, но ещё не стоит. На верхнем корже Серафима вывела «Вере Павловне» и испортила последнюю букву. Мэри срезала крохотный кусочек крема, дала ей другую насадку и сказала, что именинница в своё время исправила столько чужих букв, что не обидится на одну свою.

Эван с утра перетаскивал мешки. Поставщик запоздал, поэтому ему пришлось помогать разгружать прямо с уличной повозки, обходя покупателей. Он работал быстро, но за ручную тележку взялся не с того конца. Мэри придержала его за локоть.

— Если придавишь себе ногу, я тебя в булочную корзину не помещу. Смотри сюда.

Он молча выслушал и повторил правильно. Серафима заметила его раздражение: короткий вдох, челюсть, которую он сжал до белого пятна у уха. Потом Эван поставил тележку и поблагодарил. Это было обычное, незначительное усилие, но почему-то наблюдать за ним оказалось интереснее, чем за его уверенной улыбкой.

К одиннадцати торт стоял в коробке. Укреплённое картонное дно, бумажная ручка, записка с адресом: Дом работников шлюза, Запрудная, восемь.

— Я отнесу, - предложила Серафима.

Мэри подняла глаза от счётной книги.

— Там мост и лестница. Весит три килограмма.

— Я умею ходить по лестницам.

Она ответила резче, чем собиралась. Мэри закрыла книгу.

— Хорошо. Я не сомневалась в твоих ногах. Сомневалась в ручке коробки. Возьми снизу и не стесняйся ставить, если устанешь.

Серафима почувствовала жар в лице. Эван у окна проверял пустые ящики и сделал вид, что разговора не слышал. От этого стало ещё неловче.

— Я могу пойти рядом, - сказал он через минуту. - Мне нужно на Запрудную.

— Куда именно? - спросила Мэри.

— Смотреть комнату.

Амулет под рубашкой едва нагрелся. Не обжёг, как при прямой лжи, а стал заметно теплее кожи. Серафима подняла голову. Эван смотрел на Мэри, и изумруд снова остыл.

Он мог действительно смотреть комнату, но не на Запрудной. Мог придумать поручение, чтобы пройти с ней. Раньше Серафима радовалась бы этому. Теперь думала о незастёгнутом ошейнике.

— Я справлюсь сама, - сказала она.

Эван отступил от двери, освобождая проход.

На Запрудную вела дорога вдоль канала. На той стороне старые дома теснились друг к другу, балконы почти соприкасались. Между двумя окнами висела бельевая верёвка; красная рубашка полоскалась над водой, и пожилой мужчина снимал её длинным шестом. Серафима поравнялась с открытым окном мастерской, где стучал молоток, потом с чайной, откуда пахло апельсиновой коркой. Она запоминала запахи, как раньше запоминала переходы. На Земле всё указывало дорогу.

Перед мостом стояла тележка с углём. Возчик проталкивал её по доскам, ругаясь вполголоса. Справа, у самого края, оставалась узкая полоска. Серафима подождала. Сзади подошли люди, кто-то попросил пропустить.

Она переступила через выступившую скобу, и бумажная ручка лопнула.

Серафима успела подхватить коробку снизу. Угол ударил по колену, она сделала лишний шаг и оказалась на мокром краю настила. Ладонь соскользнула с перил. Она ещё могла бы выронить торт и удержаться, но в голове уже возникло лицо Мэри, два вечерних часа у плиты, восемьдесят лет чужой жизни, которые не должны заканчиваться раздавленным кремом.

Она прижала коробку и упала.

Точнее, начала падать. Мир повернулся: мост оказался сбоку, вода - впереди. Под мостом шла лодка, и сидевший

на корме мальчик поднял голову. Серафима не успела крикнуть.

Браслет сжал запястье.

Не больно - слишком плотно, будто невидимый обруч упёрся в кость. Золотой рисунок под кожей разгорелся. Воздух между её рукой и железной скобой стал густым. Коробка замерла у груди. Серафима слышала собственный вдох, но выдохнуть не смогла. Холод пошёл от запястья к локтю; пальцы отнялись сразу.

Кто-то схватил её за пояс.

— Отпусти коробку! Слышишь? Отпусти!

Она не могла. Пальцы держали картон, не подчиняясь ей. Лодка стукнулась о каменную опору, люди закричали на обоих берегах. Серафима увидела над собой лицо незнакомого парня, чёрные от масла волосы, пятно ржавчины на щеке. Он лежал животом на настиле и тянул её к себе.

Второй человек схватил его за ноги. Вместе они перевалили Серафиму через край. Коробка ударилась о доски; крышка сдвинулась, крем прилип к бумаге. Холод оборвался. Она закашлялась так сильно, что не смогла сразу сесть.

— Ты ушиблась?

— Торт, - выговорила она.

Незнакомец посмотрел на коробку, потом снова на неё.

— Торт дышит прекрасно. А ты?

Серафима хотела ответить, но зубы застучали. Люди вокруг спорили о скобе, о перегруженной тележке, о том, кто

должен чинить мост. Ей накрыли плечи чьим-то пальто. Парень взял её ладонь и тут же отпустил.

— Ледяная. Ты долго висела?

Серафима посмотрела на скобу. Между нею и меткой на запястье на миг тянулась серебряная полоска. Теперь там был только воздух.

— Не знаю.

— Я Илья. Работник шлюза, когда не вытаскиваю людей с тортами. Пальцами пошевелить можешь?

Она попыталась. Большой палец дрогнул. Остальные лежали на картоне, будто чужие.

Илья перестал улыбаться.

— Пойдём в мастерскую. Тут рядом. Торт тоже возьмём.

В мастерской пахло керосином. На стене висели ключи разных размеров, под столом стояли сапоги выше человеческого колена. Илья усадил её возле небольшой печки и подал кружку тёплой воды. Не горячей; когда Серафима потянулась прямо к огню, он отодвинул табурет.

— Если не чувствуешь, можно обжечься и не заметить.

Вошёл мужчина в кожаном переднике, тот самый, что держал Илью за ноги. Назвался Тарасом, мастером второй смены. Осмотрел мост с порога, выругался и потащил на улицу доску с надписью «Проход закрыт». Только потом вернулся к Серафиме.

— Врач нужен?

— Сейчас лучше, - сказала она.

Это было неправдой. Изумруд тут же прижѐг грудь. Илья заметил, как она вздрогнула.

— Всё равно посиди. Я отнесу заказ, пока он окончательно не стал оладьем. Куда?

Серафима назвала адрес. Илья рассмеялся.

— Так это для нашей Веры Павловны. Тогда точно не пропадѐт. Она десять лет преподавала мне арифметику и уверена, что ещё не поздно.

Он поднял крышку. Надпись немного сползла, но цветы у края сохранились.

— Скажу, что ветер.

— Не говори, - попросила Серафима. - Я сама расскажу.

Илья взглянул на неё с неожиданной серьёзностью, затем кивнул.

Они дошли вместе. Вера Павловна оказалась невысокой женщиной с густыми белыми волосами. Она выслушала рассказ, проверила пульс Серафимы, велела Илье поставить чайник и только после этого заглянула в коробку.

— Я столько лет слышала, что слишком строго ставлю оценки, - сказала она. - Теперь наконец получила отметину сама. Разрежем с другой стороны.

На празднике было шестеро. Серафима сидела между Ильёй и женщиной в форме речной службы. В тарелке таил вишнёвый крем. Она видела, как медленно возвращается цвет в её пальцы, и думала о человеке на корме лодки: если бы он стоял, если бы она задела его ногой, если бы браслет

удержал не её...

До этого дня подарок небесных богов был чужой меткой на руке. Теперь он оказался действием, для которого она не знала ни правил, ни цены.

Обратно Илья пошёл с ней сам. По дороге остановился у моста, вытащил из кармана мел и обвёл опасную скобу.

— Починят? - спросила Серафима.

— Если Тарас отнесёт заявку - через месяц. Если я принесу две хорошие скобы из старого склада - завтра. Придётся ещё убедить кладовщика, что это не воровство.

— А разве это воровство?

— По его книге - да. По моей ноге, которую я здесь чуть не сломал, - ремонт. В книгах вообще редко хватает ног.

Серафима неожиданно засмеялась. Илья посмотрел на неё, улыбнулся и больше не расспрашивал о падении.

У пекарни стоял Эван.

Он шагнул навстречу так быстро, что Илья инстинктивно остановился между ними.

— Что случилось?

— Я упала, - ответила Серафима. - Уже всё в порядке.

— Мэри тебя ждёт.

Она прошла мимо. Илья помог занести пустую коробку, представился Мэри, объяснил, что случилось на мосту, не добавив ничего про холод и странно задержавшееся падение. Мэри слушала, скрестив руки. Потом взяла Серафиму за здоровое запястье, перевернула ладонь и потребовала на-

звать все пальцы, которых касалась.

Два она не почувствовала.

— Наверх. Одеяло. Суп. Я сейчас приду.

Возражать не хотелось. Серафима вдруг поняла, что устала до тошноты.

Когда Илья ушёл, Эван остался у лестницы. Он смотрел на золотой рисунок, выглядывавший из рукава.

— Он тебя удержал?

Серафима подняла голову.

— Откуда ты знаешь?

Эван помедлил на долю секунды.

— Ты держалась за край, наверное. Я хотел сказать - мост.

Изумруд нагрелся. На этот раз сильнее.

Серафима прижала ладонь к груди, будто поправляла щечку. Эван заметил движение. Его лицо стало совсем неподвижным.

— Я устала, - сказала она. - Поговорим в другой раз.

Наверху Мэри поставила перед ней суп и уселась на пол у кровати. Серафима рассказала про воздух, ставший густым, про холод и про слова Эвана. Мэри спросила, хочет ли она, чтобы он больше не приходил.

Серафима долго смотрела в тарелку.

— Пока нет. Я хочу понять, что он знает. Но я не буду оставаться с ним одна.

— Тогда я сама дам ему работу во дворе. И буду рядом.

— Ты мне веришь?

Мэри выпрямилась, потёрла затёкшую ногу.

— Я верю, что ты напугана и пытаешься разобраться. Остальное мы проверим.

К вечеру чувствительность вернулась. Серафима лежала с ладонью под щекой и поочерёдно шевелила пальцами. Каждый послушный палец казался маленьким доказательством, что её тело ещё принадлежит ей.

На столе стояла пустая коробка от торта. Мэри вырезала из неё ровное дно и принесла карандаш. Серафима нарисовала мост, железную скобу и место, где остановилось падение. Возле линии от руки к опоре написала: «Держит расстояние? Холод. Два пальца. Не применять в одиночку».

Подумала и добавила: «Я не согласилась. Он сработал сам».

С этой строчкой было труднее всего примириться.

Глава 7 Лёд в тёплых домах

На седьмой день в Речном Серафима научилась продавать хлеб.

Главное состояло в том, чтобы не разрезать горячую буханку сразу после печи, даже если покупатель уверяет, что всю жизнь только так и делал. Ещё следовало считать деньги до того, как человек вышел за дверь, записывать долги полным именем и отличать настоящую спешку от человека, который просто любит говорить, что спешит.

Она путала последнее постоянно. Мэри принимала сдачу, возвращённую с обиженным видом, и не делала замечаний при чужих. Вечером они считали кассу. Серафима предлагала возместить недостачу из денег Ремия. Мэри отказывалась от половины суммы: две монеты потеряла сама.

— Работа иногда состоит в том, чтобы узнать цену собственной рассеянности, - сказала она. - Неприятно, зато запоминается.

Эван работал у них по утрам. Приходил до открытия, носил воду, получал плату в конце смены и уходил. Мэри пока не оставляла его в помещении одного. Серафима не знала, заметил ли он это. Несколько раз он пытался заговорить о мосте, однако она отвечала, что не хочет вспоминать падение. Это была правда, хотя и не вся.

Сегодня ей хотелось выйти в город. На площади откры-

вался осенний рынок, и Мэри поручила купить сушёную вишню. Дала деньги с запасом и предупредила не брать ту, что продают в красивых плетёных рожках: на дне всегда косточки.

Снежок уже наступал на лапу. У дверей он исполнил короткую пляску на трёх здоровых, пока Серафима пристёгивала поводок, и попытался съесть бахрому её шарфа. В новом кожаном ошейнике он выглядел важным и неуклюжим, как маленький чиновник.

На рынке торговали всем сразу. Дым от жаровен пересекался с паром над котлами. На длинной верёвке висели жестяные кружки, звеневшие от ветра. Мужчина в шляпе предлагал угадать вес тыквы, рядом девочка продавала бумажных птиц: если дёрнуть за нитку, птица взмахивала крыльями. Серафима задержалась перед лотком, потом купила одну, зелёную. Девочка показала, как сложить хвост, чтобы он не мешал движению.

Серафима спрятала птицу в сумку. Не украшение, не обещание вырасти. Просто игрушка, которую она почему-то никогда не покупала.

Вишню пришлось искать на другом конце площади. По дороге Снежок увлёк её к корзине с гусями. Продавщица пригрозила выписать ему счёт за моральный ущерб; самый крупный гусь вытянул шею и убедительно подтвердил, что ущерб нанесён. Серафима поспешила дальше.

Эван стоял у мастерской жестянщика. На прилавке перед

ним лежал маленький медный таз. Он сторговался, получил его завёрнутым в газету и только потом увидел Серафиму.

— Для твоей комнаты? - спросила она.

— Да. Вода течёт с потолка в одном месте. Проще поставить таз.

Амулет не шевельнулся. От того, насколько внимательно она прислушалась к собственной груди, Серафиме стало стыдно. Постоянная проверка не делала её спокойнее. Она начала подозревать даже точные ответы, словно знала заранее, что за каждым прячется ещё один.

— Ты купила птицу, - заметил Эван.

Зелёный хвост торчал из сумки.

— Она летает, если дёргать за нитку.

— Иначе сама бы улетела.

Она улыбнулась, прежде чем успела остановиться. Эван улыбнулся в ответ, немного растерянно, и на мгновение показался не человеком, который знает больше, чем говорит, а восемнадцатилетним парнем с тазом под мышкой.

Он помог донести вишню до края площади. У лотка с горячими орехами предложил ей кулёк; Серафима согласилась, отдала половину денег и услышала от продавца, что так даже лучше, потому что он всегда забывает, сколько стоит один. На вкус орехи были сладкими и чуть горькими у обо-жжённого края. Снежок крутился возле их ног, безуспешно изображая голодающего.

— Ты всё время смотришь наверх, - сказал Эван.

Серафима задержала орех у губ.

— Откуда ты знаешь, что всё время?

— На рынке виднее. Люди в основном следят за карманами.

Она перевела взгляд на низкие тучи. Сказать «я ищу дом» было бы слишком просто. Она искала родителей, извинение, путь назад - и одновременно надеялась, что какое-то время его не найдёт.

— Раньше жила высоко, - ответила она.

Эван кивнул. Его пальцы сильнее сжали газетный свёрток. Он тоже посмотрел вверх, но иначе: быстро, проверяя, не возникло ли что-нибудь у него за спиной.

Илья нашёл их у часовни. Он вёз на велосипеде длинную железную дугу и двумя короткими звонками попросил уступить дорогу. Серафима подняла руку. Илья затормозил слишком резко, дуга съехала, и всем троим пришлось ловить её раньше, чем она ударит по корзинам с яблоками.

— Зато тормоза работают, - сказал он, когда железо снова легло на багажник. - Это для твоего моста. Кладовщик потребовал расписку в трёх экземплярах. Один я ему нарисовал, потому что бумаги не хватило.

Илья был на год старше Эвана, однако разговаривал со всеми одинаково, будто давно устал от того, что возраст должен объяснять способ держать гаечный ключ. Эван предложил помочь донести дугу. Илья принял помощь без церемоний и дал ему противоположный конец.

До моста они дошли вместе. Там Илья проверил новый крепёж и оставил железо мастеру. Затем повернулся к Серафиме.

— Мэри сегодня свободна после обеда?

— А что?

— У нас на Печной живёт Агата. Её кот третий день лежит у плиты. Обычно он лежит на плите, видишь разницу? Я сказал, что принесу врача. Агата сказала, что у неё денег нет. Я ответил, что коту счёт не пришлют, потому что он неграмотный.

— Мэри больше не принимает как ветеринар.

— Знаю. Поэтому я хочу спросить, а не принести ей чужого кота прямо в тесто.

Серафима пообещала передать. Эван молча перевесил таз в другую руку. Когда они разошлись, он не пошёл с ней до пекарни, хотя прежде находил для этого причины.

После рынка у Серафимы болели ноги. Она повесила зелёную птицу над столом и несколько раз дёрнула за нитку. Крылья ходили неровно, левое заедало. Она осторожно расправила сгиб. Этим утром у неё было два новых знакомства, кулёк орехов и игрушка. На несколько минут она позволила себе не оценивать, что из этого пригодится для возвращения.

* * *

Дом на Печной стоял в узком дворе, куда солнце заглядывало только через разрыв между крышами. Мэри взяла сумку с лекарствами, Серафима - корзину хлеба. Снежка оста-

вили дома: знакомство с больным котом обещало мало пользы обеим сторонам.

Илья ждал у ворот. Рядом с ним стояла женщина с такой длинной шерстяной шалью, что концами можно было обернуть ещё одного человека. Она представилась Агатой и сразу сообщила, что кот врача терпеть не станет.

— Я его тоже заранее не люблю, - ответила Мэри. - Пойдём договариваться.

На лестнице было холоднее, чем снаружи.

Серафима заметила это сразу. В тени каменных стен должна была держаться сырость, но здесь холод поднимался из-под ног сухой, ровной струёй. На перилах выступил тонкий белый налёт. Агата объяснила, что печь дымит уже неделю. Трубочист пришёл, прочистил и взял деньги, а теплее не стало.

Кот по имени Наполеон оказался рыжим, тяжёлым и крайне недовольным. Когда Мэри вытянула его из-за печи, он вцепился когтями ей в рукав. Она закутала его в полотенце и попросила Агату держать голову. Илья подал лампу. Серафима осталась возле окна и невольно провела пальцем по стеклу.

С внутренней стороны лежал лёд.

На улице было прохладно, но вода в лужах ещё не замерзала. В комнате горела печь. Металлическая дверца раскалилась так, что возле неё трудно было стоять, а в двух шагах на столе стынул чай, над которым не поднималось ни струй-

ки пара.

— У вас давно так? - спросила Серафима.

Агата, удерживавшая оскорблённого кота, посмотрела через плечо.

— С понедельника. Или со вторника. Сначала думала, простуда. Потом суп в кастрюле утром замёрз. Окно не открывала, честное слово.

Илья присел у плинтуса. Снял перчатку, потрогал доски, подвинул стоявший у стены сундук. Там, где половицу закрывала его тяжёлая ножка, сохранился кружок обычной сухой пыли. Вокруг серебрились кристаллы.

— Подвал открыт?

— Ключ у Ниловны, этажом ниже. Только она после обеда спит. Разбудишь - до вечера проклянёт.

— Я переживу. Мой мастер это делает до завтрака.

Мэри закончила осмотр. У кота не было инфекции, зато температура оказалась ниже обычной. Она велела перенести его к родственникам или хотя бы в соседний дом и пообещала на следующий день проверить снова. Агата начала возражать: Наполеон не выносит переездов. В этот момент кот вернулся из полотенца и сам залез в раскрытую сумку Мэри.

— Мнение пациента получено, - сказала Мэри.

Серафима рассмеялась, но смех оборвался, когда она увидела руку Агаты. На запястье пролежала серая полоска, как ожог от холодного металла. Очень похожая на след, который остался у неё после моста.

Она не стала сразу говорить о сходстве. Попросила показать печь. Агата объяснила, где покупает уголь, как закрывает заслонку, когда меняли трубу. Илья вернулся с ключом и двумя старухами, обеими недовольными. Одна несла светильник, другая тяжёлую палку. Проклинать собрались обстоятельно и, очевидно, при свидетелях.

В подвале пахло землёй и картошкой. Мэри осталась с котом внизу лестницы, а Илья открыл решётку у стены. За ней шла водопроводная труба. На трубе висело устройство величиной с ладонь: две медные дуги, круглая костяная прокладка, между ними - тонкая тёмная жила. От неё в каменную кладку уходил провод, похожий на засохший корень.

— Это ваше? - спросил Илья.

Обе старухи хором ответили, что нет.

Он не дотронулся до устройства. Поднёс к нему конец железной отвёртки. Металл покрылся инеем почти до рукояти.

Серафима почувствовала, как браслет отозвался тяжестью. Не сжался, не потянул. Просто стал заметным, как человек, который без разрешения вошёл в комнату и остановился у двери.

— Не трогай рукой, - сказала она.

Илья посмотрел на неё.

— Ты такое видела?

— Похожее. Не здесь.

Мэри осторожно поставила сумку на ступеньку. Кот изнутри издал глухой возмущённый звук.

— Можно снять?

— Не знаю, - ответила Серафима.

Илья достал складные щипцы и перерезал тёмную жилу. Раздался сухой щелчок. Из щели в кладке посыпалась каменная пыль, медные дуги разошлись. Серафима дёрнулась к стене: на миг ей показалось, что из неё вытянули длинный холодный волос. Браслет тут же стал легче.

Наверху что-то звякнуло.

Одна из старух испуганно оглянулась. Из кухонного кра-на пошла вода. Агата, оставшаяся наверху закрывать окно, крикнула, что чай наконец-то парит.

Илья положил устройство в пустую жестянку. Отвёртка ещё белела от инея.

— А я всё думал, почему расход угля одинаковый, а люди приходят жаловаться. За неделю три заявления. Все внизу, ближе к старому коллектору.

— Вызывали службу? - спросила Мэри.

— Приходили. Сказали, сырость от реки. Написали, что надо сушить подвалы.

Он поднял жестянку. Из-под крышки потекла вода, которой внутри не было.

— От этого много сырости не прибавится.

Они договорились на следующий день проверить ещё два дома. Старухи должны были позвать соседей и никого не впускать в подвал без знакомого лица. Агата наотрез отказалась уходить к племяннице, пока Мэри не объяснила, что

коту нельзя менять человека и жильё одновременно. Тогда женщина послушалась ради Наполеона.

На обратном пути Серафима несла пустую хлебную корзину. Щель между домами уже потемнела, на канале зазглись фонари. Ноги у неё снова стали ледяными.

— Я хочу сказать Илье правду, - произнесла она.

Мэри не спросила какую.

— Уверена?

— Нет. Но он видел метку браслета. И на доме тоже было... Я не знаю названия. Я могу хотя бы рассказать, чего не знаю.

Мэри переставила сумку с котом в другую руку.

— Тогда скажем после ужина. На кухне. Чтобы никто не стоял на холодной улице и не принимал решения с замёрзшей головой.

Илья пришёл к закрытию. Серафима показала ему метку браслета и амулет, рассказала про Камелию. Он долго вертел в руках ложку. Потом попросил не демонстрировать ничего специально.

— Я всё равно не отличу чудо от хитрого фокуса. А с этим, - он кивнул на запястье, - по-моему, не шутят.

— Ты нам веришь?

— Я верю, что видел железо, которое замерзает в тёплом подвале. Остальное могу пока оставить открытым.

Он достал из кармана карту нижних улиц. На ней красным были помечены шесть участков дамбы и три жалобы на

холод. Серафима склонилась над бумагой. Знакомые линии расходились к речному изгибу; между ними открывался старый, давно застроенный проход.

— Здесь что? - спросила она.

— Слепой порт, - ответил Илья. - По воде туда больше не попасть. Вход замуровали лет сорок назад, когда подняли дамбу.

На карте три красные точки лежали на одной линии, ведущей прямо к нему.

Глава 8 Глаз над пекарней

Утром пришёл человек из Управления тепла.

Он предъявил синюю книжечку и спросил, кто распространяет слухи о неполадках. Мэри предложила ему булку. Человек ответил, что находится при исполнении. Тогда она убрала булку и спросила, проверяли ли они дома на Печной.

— По этим адресам уже выезжали.

— И что нашли?

— Нарушения правил содержания подвальных помещений.

Серафима стояла за стойкой с мокрой тряпкой в руках. Человек не лгал. Он действительно читал отчёт и верил ему, словно холод в комнатах мог отмениться оттого, что его однажды неправильно назвали.

Мэри поставила перед ним жестянку с устройством. Он отпрянул, когда на стол вытекла тонкая струйка воды.

— Это мы сняли с трубы. Напишите ещё один отчёт?

Человек достал карандаш. Спросил, кто снимал, кто разрешил, куда делась бирка и не могло ли устройство быть деталью городской сети. Мэри попросила его взять вещь на экспертизу и оставить расписку. На этом они надолго застряли.

Когда он ушёл, Мэри засунула расписку под банку с гвоздями и вареньем.

— Хорошо хоть забрал. Если бы оставил, я бы до вечера ругалась с ним по второму кругу.

— Он не хотел нам верить.

— Ему, наверное, сверху велели разобраться со слухами. Он и разбирается. Холод в поручение не вошёл.

Илья, пришедший за хлебом для смены, услышал конец разговора и молча показал на свои сапоги. Подмётки были покрыты белой коркой.

— В четвёртом доме тоже стояло. Только там две дуги. Тарас снял, железку оставили у него. Чтобы экспертиза сразу всё не потеряла.

Он не мог остаться: на дамбе меняли затвор. Пообещал вечером показать карту и попросил Серафиму не ходить по подвалам одну. Он произнёс это таким же тоном, каким попросил бы не держаться за горячую трубу. Она кивнула. Ей и самой не хотелось.

В полдень Эван нашёл в мучном ларе порванный мешок. Пока он высыпал муку в чистую ёмкость, Серафима заметила у него на пальце кольцо.

Змея обвивала узкую серебристую ленту и держала во рту собственный хвост. Чешуя была стёрта у основания. Он носил кольцо на правой руке и обычно прятал под перчаткой. Сегодня стало жарко, и он забыл.

Серафима видела такой рисунок в детстве. Не могла вспомнить где.

— Красивое, - сказала она.

Эван резко убрал руку.

— Семейное.

— Тебе не нравится, когда про него спрашивают?

— Не очень.

Он ответил честно. Это почему-то успокоило больше, чем любые объяснения. Серафима подвинула к нему пустой мешок, и они продолжили работу. Некоторое время слышалось только шуршание муки.

— Ты умеешь чинить замки? - спросила она.

Эван посмотрел на дверь.

— Простые.

— Мэри всё время обещает заняться этим. Я каждый вечер боюсь, что ключ обломится.

Он взял со стойки обычный железный ключ, присел возле замка и попросил немного масла. Работал осторожно, не пытаясь показать, что всё знает. Когда пружина выскочила и ударила его по пальцу, он произнёс слово, которое Серафима знала, но от матери никогда не слышала.

Она рассмеялась. Эван поднял глаза и тоже засмеялся, сначала сердито, потом совсем по-мальчишески. На несколько мгновений пекарня стала просторнее.

Он не исправил замок окончательно. Вытащил грязь, заменил слабую пластину и сказал Мэри купить новую сердцевину. Зато ключ наконец-то повернулся без сопротивления. Мэри трижды открыла и закрыла дверь, после чего сообщила, что теперь лишилась важного утреннего занятия.

В тот день Серафима поймала себя на том, что ждёт его улыбки. Не доверяет - ждёт. Это раздражало сильнее подозрений. Она могла заметить тепло амулета и всё равно вспоминать, как Эван пытался прикрыть ладонью разлетевшуюся муку. Внутри неё не было аккуратных отделений для опасного и приятного.

* * *

Глаз они обнаружили из-за галки.

Снежок лаял на неё со двора, сердито подпрыгивая на месте. Птица сидела на желобе и била клювом в щель под черепицей. Серафима вышла с миской воды, собираясь отозвать щенка, и увидела, как из щели мелькнуло светлое. Будто кто-то моргнул.

Она позвала Мэри. Та принесла лестницу. Эвана уже не было, во дворе стояли только пустые ящики, и от этого Серафима испытала такое облегчение, что сразу насторожилась.

— Лучше дожидаться Илью, - сказала Мэри.

— Оно смотрит в моё окно.

Второй раз свет не мелькнул. Только галка отскочила вдоль желоба и сердито каркнула.

Мэри не стала спорить. Попросила держать лестницу и полезла сама. На третьей перекладине остановилась: на крышу выходила старая дверь чердака, и подниматься по скользкой черепице было глупо. Они вернулись в дом, открыли чердак и принесли длинный багор, которым снимали бельё с верхней верёвки.

Серафима высунулась в слуховое окно. Изнутри щель была хорошо видна. Под черепицей крепился небольшой шар на трёх тонких ножках, похожих на паучьи. Его поверхность покрывала молочная плёнка. В глубине медленно вращалось чёрное кольцо.

Когда она подалась ближе, кольцо остановилось на ней.

Серафима отпрянула, ударившись затылком о раму.

— Оно живое?

— Сначала снимем, потом обсудим, - сказала Мэри. Голос у неё стал глухим.

Снизу позвонили в дверь. Илья принёс карту. Мэри крикнула ему подниматься, и через минуту он стоял рядом с ними, разглядывая шар через поднятую руку.

— Если его задеть, оно упадёт во двор?

— Скорее всего.

— Тогда пусть лучше в корзину. Стекло тоже мало кто любит руками собирать.

Они подставили снизу большую плетёную корзину. Илья держал её на длинной ручке, Мэри багром поддела ножки. Одна оторвалась, две развернулись, и шар внезапно метнулся к окну. Серафима успела захлопнуть створку. Существо или устройство ударилось о стекло и повисло снаружи. Чёрное кольцо бешено вращалось.

Браслет сжался.

Серафима тут же прижала руку к животу и отступила. Холод добрался только до запястья; она не протянула ладонь,

не попыталась поймать. Мэри ударила багром. Шар отлетел, попал в корзину и начал кататься, цепляясь остатками ножек за лозу.

Илья закрыл корзину деревянной крышкой.

Во дворе Снежок гавкнул особенно громко, словно всю работу выполнил один.

Они спустились в кладовую. Поставили корзину в таз, крышку придавили ступкой. Изнутри доносился сухой скрежет. Мэри послала Илью за перчатками и молотком.

— Нужно посмотреть, - сказала Серафима.

— Оно могло смотреть на нас неделю, - ответила Мэри. - Сейчас подождёт пять минут.

Ей хотелось немедленно разбить шар, потом немедленно сохранить его, потом выбежать на улицу и посмотреть, нет ли второго. Она стояла возле таза, обхватив себя за локти, и пыталась не выбирать между этими желаниями слишком быстро.

Илья принёс инструменты. Вместо того чтобы поднимать крышку, просунул под неё кочергу и прижал шар к стенке корзины. Мэри опустила молоток. Хрустнуло, как расколотый орех.

Скрежет прекратился.

На дне лежали три мутных осколка, чёрный ободок и скомканные ножки. Никакого мяса, крови, стекла - только тонкие слои вещества, похожего на высушенную слюду. На внутренней стороне одного осколка сохранилось пятно. Ко-

гда Серафима приблизила его к лампе, пятно превратилось в крошечное перевёрнутое окно её комнаты.

Илья выдохнул сквозь зубы.

— Мэри, у вас шторы есть?

— Теперь будут.

Они осмотрели крышу, водосток, чердак, вывеску и два дерева во дворе. Больше ничего не нашли. В одном дупле обнаружили прошлогодний орех и ржавая пуговица. Галка продолжала ругаться с соседнего забора, требуя вернуть ей добычу.

Эван пришёл, когда Мэри прибавала плотную ткань к верхнему окну. Он задержался у калитки. Серафима стояла во дворе с тазом осколков.

— Что случилось? - спросил он.

— Ты знаешь, что это?

Она подняла ободок. Эван посмотрел на её ладонь и сразу перевёл взгляд на крышу. Этого движения оказалось достаточно. Серафима почувствовала, как внутри всё становится тихим и узким.

— Видел похожее, - ответил он.

Амулет не нагрелся.

— Где?

Он переступил с ноги на ногу.

— Не здесь.

Мэри спустилась с лестницы. Илья вышел из кладовой, вытирая молоток. Никто не повысил голоса, но Эван оказал-

ся в середине двора перед тремя людьми, которые не собирались отходить.

— Ты уйдёшь сегодня, - сказала Мэри. - Плату получишь. Завтра не приходи на работу. Если захочешь что-то объяснить, постучи со стороны улицы.

Эван посмотрел на Серафиму. Она ждала. Ей почему-то хотелось, чтобы он произнёс хоть что-нибудь грубое, обвинил их, рассмеялся. Тогда можно было бы оттолкнуть его сразу, не разбирая собственную жалкую надежду.

— Это не причиняло тебе боли, - сказал он наконец.

Серафима сжала осколок так сильно, что острый край впился в кожу.

— Уйди.

Он посмотрел на кровь у неё на ладони, сделал полшага и остановился. Забрал оставленный у двери мешок, выслушал Мэри насчёт платы и ушёл через калитку. Та не хлопнула. Новый замок тихо щёлкнул за его спиной.

Серафима поставила таз на землю.

Мэри принесла чистую ткань. Пока она промывала маленький порез, Илья раскладывал на столе карту. Ни тот ни другая не говорили, что всё давно понимали. Они просто остались рядом, и Серафима впервые за вечер смогла перевести дыхание.

— Я должен показать вам ещё кое-что, - сказал Илья.

На обороте карты был нарисован ряд ворот. Шесть широких секций, между ними узкие боковые отводы. Верхние ме-

ханизмы Илья зачеркнул красным, нижние обвёл.

— Старый план дамбы. Когда её строили, каждую секцию можно было открывать отдельно. Потом сделали общее управление, а ручные ворота законсервировали. Если нынешняя система встанет, напор пойдёт в один пролёт. Воды хватит, чтобы снести Печную и половину Мельничной.

— Почему она должна встать?

— Потому что четвёртый затвор сегодня обмерзал изнутри. Не снаружи, Сима. Внутри редуктора. Как у Агаты чай. Он показал на боковые отводы.

— Мы можем разобщить секции. Снимать нагрузку постепенно, пропуская воду в старые каналы. Я нашёл чертежи. Только один человек все ворота не повернёт. Нужны посты на каждой секции, и люди должны знать, кого слушать, когда сирены заглушат голос.

Мэри подвинула лампу.

— Сколько постов?

— Шесть основных. Ещё два на каналах. Тарас думает, я перестраховываюсь. Но чинить надо сейчас.

Серафима смотрела на линии, соединяющие ворота. Отец рисовал похожие, когда объяснял нагрузку на мостах: если одна опора берёт всё, она ломается первой, а потом за ней падают остальные. Разница состояла в том, что здесь под линиями жили люди, имена которых она уже знала.

Она перевернула лист с рисунком своего падения и положила рядом с картой Ильи. Два серебряных устройства, хо-

лод в домах, кольцо на руке Эвана, глаз над окном. Части ещё не складывались в ответ, но перестали быть отдельными бедами.

Вечером Мэри нашла старое письмо. Оно лежало в жестяной коробке под подвенечными лентами её матери. На конверте не было имени отправителя. Внутри, кроме тех слов, о которых Мэри уже рассказывала, сохранился маленький план.

Здание с четырьмя трубами. Узкий двор. Дверь без ручки. Под рисунком - две строчки почти выцветшими чернилами: «Когда в городе станет холодно, не ищите огня. Ищите, куда уходит тепло. Лидию увели через Слепой порт».

Мэри прочла последнюю фразу вслух и села.

— Её не было раньше, - сказала она. - Клянусь, не было.

Серафима не стала доставать амулет. Лицо Мэри говорило точнее любого камня.

Глава 9 Слепой порт

За ночь слова о Лидии исчезли.

Мэри заметила это в пять утра. Перечитала письмо, проверила оборот, начала искать другой лист и разбудила Серафиму таким голосом, что та сбежала вниз без обуви. Они просмотрели коробку целиком. Подвенечные ленты, квитанция за комнату, два маленьких рисунка, на одном - девочка в огромной соломенной шляпе. Ничего.

Мэри поднесла письмо к лампе, и на бумаге проступила первая буква.

Она замерла.

Серафима принесла щипцы для хлеба. Держа ими лист подальше от пламени, они прогрели нижнюю половину. Медленно, точно после долгой болезни, на бумагу вернулись две строчки и часть плана. Чернила были не волшебные: от тепла просыпались скрытые соли, подобными письмами Даниэль когда-то обменивался с мастером, которого начальство не хотело пускать на мост.

Над крышей нарисованного здания проявился ещё один знак. Узкий полумесяц, пересечённый тремя чертами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.